

МАТЬ СКОРБЯЩАЯ

Повесть – причетъ «Не рыдай меня, мати» – одно из лучших, глубоко лирических произведений писателя Леонарда Золотарева. Относительно небольшое по объему – оно вырвалось из самого сердца, написано на одном дыхании, в одной тональности. Словно за ниточку, вытянута эта тональность из названия повести – певучего, иконного, древнерусского. По духу – это созвучно с «Реквиемом» Анны Ахматовой, это судьба еще одного «проклятого поэта» нашего времени Василия Шукшина. По ассоциации – с теми же лермонтовскими стихами «Насмерть поэта», написанными на другой день после гибели Пушкина. Это плач матери Василия Макаровича – Марии Сергеевны по рано ушедшему Сыну, когда через год после смерти Художника, автор встретился с ней на Алтайской земле.

В центре повести – символический образ Матери, оплакивающей смерть своего Сына, трагическую судьбу поколения, а еще шире – «все неустройство земное». Не случайно писателем взято в эпиграф такое:

« - Она на меня смотри и смотрит. Спать ложусь – смотри, вскинусь с постели – смотрит, кусок в рот протяну – и тогда смотрит.

- Да кто же это?

- А все она вот, Житная Женщина, наша Всематерь людская».

Это плач Матери всего человечества по лучшим его сыновьям.

Читатель прямо-таки врывается во внутренний мир героини, чувствуя всю глубину постигшего ее горя. И мы становимся сопричастными к великой истине, когда личная беда по масштабу превращается в беду поколения, Родины, и у нас пробуждается осознание собственной значимости – человеческой личности. Так из человека в себе каждый из нас преобразуется в человека для всех, для Отечества.

Вот фрагмент из фильма «Они сражались за Родину», в котором в роли солдата Лопихина снимался ее сын. Видя Сына живым на экране снова и снова, Мать мысленно говорит себе о той силе, которая дает возможность человеку выстоять и победить. Это любовь к людям, к родной земле, а не человеческое иступление, жажда крови, порабощение пространств. И всему этому противостоит Сын ее – «живой, простой человек в гимнастерке...»

Перед нами внутренний монолог Матери. Ее слова уходят туда, ко времени сына, и возвращается сюда же обратно. Так автор сливает разные времена в один

монолит, в одну категорию, в которую заключено все и Пространство, и Время. И вопросы борьбы Добра и Зла решаются уже в планерном масштабе.

Какова же система образов, что стоит за контрастами? С одной стороны – сама Жизнь, раскрываемая через такие понятия как Добро, Материнская Любовь, Мудрость и Вечность Земли. С другой стороны – Зло, Несчастье и Смерть. «Зерны вы коверкают душу, алая кровь на камне, - разрывается нечелоческой болью сострадающее боли и горю материнское сердце, и враги, как змея шипучая, дни ему сокращали, а мне тяжелили кровь».

И тут писатель сближается с классикой. Недаром в предполагаемом диалоге с Сыном Мать, говоря о людской памяти, упоминает Л.Н.Толстого. И ее внутренний монолог завершается предполагаемым ответом Сына, разрешающим мучения Матери, Сын гибнет и своей гибелью утверждает победу грядущего. И это дает силы Матери для таких слов: «Но я уйду, беспечальная, от сознания, что, если ты нужен людям и днесь, и вовеки, не зря явилась миру и я».

Перед нами – провидческие слова, через год всего Матери Василия Макаровича тоже не стало. Перед нами – своеобразный философский трактат в поэтической форме о сущности Добра и Зла, о поколениях, связанных воедино изначальным своим духовным, жизненным смыслом. Это – мать Шукшина Мария Сергеевна, это могла быть мать самого автора причети – Мария Герасимовна. Это могли быть Матери Пушкина, Лермонтова, Есенина, Гумилева, Клюева, каждого из нас. Это тип нашей русской женщины – Матери. Отчего так ведется у нас на Руси: рано у матерей забирают Сынов-поэтов, да и просто художников, просто Сынов вообще?..

Небольшое произведение Леонарда Золотарева по пронзительной силе, по этике, общечеловечности плача сравнимо разве что с плачем Ярославны «Из слова о полку Игореве». В конце Матерь шлет свои «письма-грамотки» - рыданье свое материнское в Москву, на Новодевичье кладбище, где вдали от нее, но на видном месте страны лежит теперь ее Сын. А что ей с того?

Современная критика говорит банально о небанальном. Но, когда существует небанальное нечто, эта критика просто молчит.